

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Понятие «правосознание» наряду с понятием «правовая культура» в советском и современном отечественном правоведении считаются одними из ключевых при характеристике правомерного (неправомерного) поведения личности. «Правосознание и правовая культура» как учебная тема является обязательной в курсе изучения учебной дисциплины «Общая теория права». Как социально-правовые явления, влияющие на состояние общественного порядка, правосознание и правовая культура рассматриваются другой учебной дисциплиной – «Социология права». По данной тематике имеются многочисленные диссертационные и монографические исследования. В юридической литературе правосознание определяется как система представлений, взглядов, идей, теорий, оценок, чувств, эмоций и переживаний отдельных граждан, социальных групп и общества в целом по отношению к действующему позитивному и желаемому праву.

Следует обратить внимание на то, что в зарубежном правоведении правосознание никогда не было отдельной темой для систематического исследования в рамках теории или философии права, хотя некоторые аспекты данной проблематики и рассматриваются западной юридической психологией и социологией права.

В советской же юриспруденции теме правосознания придавалось исключительное значение идеологического и прагматического характера. Правоведы полагали, что высокий уровень правосознания является условием правомерного поведения личности, поэтому, сформировав его в заданном направлении, можно изменить в лучшую сторону криминогенную ситуацию в том или ином регионе и в стране в целом. В условиях господствовавшей в юридической науке, как и во всем социогуманитарном знании, материалистической парадигмы вывод правоведов, что стоит изменить сознание человека и будет решена задача формирования нового, в нашем случае законопослушного гражданина, противоречил известному постулату, что общественное бытие определяет общественное сознание. В советском общественном сознании было много мифов, но идея о зависимости человеческого сознания от целого спектра материальных условий и факторов не противоречит и современной психологической науке. В этой связи важным методологическим принципом в исследовании правосознания является рассмотрение его как производного, как отражения в человеческом сознании не только собственно права, но и социальных, политических, экономических, культурных и духовных детерминирующих его факторов. Представление о сознании как совокупной психической деятельности человека, на основе которой он отражает окружающий мир в идеальных, субъективных образах и регулирует свои поступки, на наш взгляд, является другим методологическим принципом, с помощью которого можно сегодня исследовать феномен правосознания.

Советское обществоведение в исследовании форм общественного сознания, где наряду с правосознанием выделялось политическое, нравственное, эстетическое, религиозное сознание, за исключением, пожалуй, последнего, исходило из идеологической установки необходимости формирования у советских людей определенных параметров перечисленных форм – вербализованных: как высокое, развитое, социалистическое, коммунистическое и т. д. Самоочевидно, что, характеризуя формы общественного сознания как дихотомии «высокий – низкий уровень», «развитое – неразвитое», «социалистическое – буржуазное», исследователь дает не количественно-качественные, а ценностно-оценочные субъективистские характеристики. Считалось, что, достигнув этих расплывчатых, на наш взгляд, как с научной, так и с практической точек зрения параметров, человек обретал те качества, которые превращали его во всеобщее развитую личность. Современные общественные науки и сама действительность показали всю утопичность этих как теоретических конструкций, так и еще недавно существовавших социальных практик.

Исследуя правосознание, мы должны избегать и упрощенных посылок, сводящихся к рассмотрению правовых установок и ориентаций, формируемых в человеческом сознании, изолированно и независимо от нравственных, религиозных, эстетических и политических. Правовая наука доказала взаимосвязь, взаимодействие и взаимовлияние права, морали, религии, политики и эстетики. Во-первых, нормы права, морали и религии, являясь регуляторами личной и общественной жизни, в своем генезисе часто совпадали, религиозные и моральные становились правовыми, правовые – политическими. Во-вторых, эстетическое сознание со сформированным чувством прекрасного позволяет увидеть в праве инструментальный механизм преодоления общественного и личного зла, на языке эстетики – безобразного, ориентирует правоохранителя на законные и нравственные средства при расследовании правонарушений и преступлений. Следовательно, следующим методологическим принципом, или правилом, исследования правосознания является его анализ в диалектической взаимосвязи с другими, указанными нами, формами общественного и индивидуального сознания.

Надо учитывать то обстоятельство, что в отечественном правоведении понятие «методология» понимается несколько расширительно, часто в сопряжении с понятием «мировоззрение», которое в некоторых публикациях рассматривается как идентичное методологии. В результате этого методология как учение о принципах, правилах, нормативах познания и способах организации знания теряет свою смысловую нагрузку и из инструмента научного познания права и его феноменов превращается в некий идеологический, а не познавательный концепт.

Несмотря на известную специфику социогуманитарного знания, где присутствует известная доля субъективизма, к которому относится и правоведение, понятие истины как цели познавательного процесса является основополагающим и в познании правосознания. Поэтому следующие методологические принципы исследования правосознания – принципы истинности и объективности знаний о данном феномене. Они предполагают однозначное закрепление и понимание основных понятий, описывающих исследуемое правовое явление, что позволит исследователю избежать отождествления своего индивидуаль-

ного опыта с изучаемыми объектами и минимизировать оценочно-ценностные суждения в процессе познания. В данном случае и субъективное будет рассматриваться как объективное явление.

Правосознание, являясь отражением правовой действительности, постоянно изменяется как вследствие социально-правовой динамики, так и по причине активности самого правосознания, проявляющейся, например, в формировании образа желаемого права. На изучение динамики правосознания нацеливает сравнительно-правовой методологический принцип исследования. Он позволяет выявить векторы направленности правосознания, а значит, провести соответствующую социально-правовую работу по закреплению положительных или исправлению негативных тенденций в этой сфере.

Таким образом, правосознание является сложным и динамичным явлением. Являясь отражением не только правовой, но и других важнейших сфер жизнедеятельности общества, оно выступает интегративным показателем общественного порядка и социально-правового благополучия граждан Республики Беларусь. Перечисленные нами методологические принципы его исследования позволят, на наш взгляд, с одной стороны уточнить теоретический конструкт правосознания, а с другой наладить практическую работу по формированию активного законопослушного правосознания у большинства граждан.

УДК 94(47).084.8

А.Л. Кузьминых

ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ В ЛАГЕРЯХ НКВД – МВД СССР: ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И ТРУДОВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Советским Союзом в годы Второй мировой войны были пленены и интернированы около 5,5 млн человек. Для содержания военнопленных и интернированных была сформирована система органов и учреждений в составе Наркомата (Министерства) внутренних дел, объединенная в рамках Управления, затем Главного управления по делам военнопленных и интернированных (УПВ – ГУПВИ НКВД – МВД СССР).

Инфраструктура лагерей ГУПВИ во многом копировала лагеря ГУЛАГа. Места содержания военнопленных и интернированных представляли собой закрытые лагерные зоны, оборудованные по типу пенитенциарных учреждений. Условия содержания напоминали гулаговские порядки: военнопленные размещались в бараках, регулярно проходили поверки и обыски, принуждались к тяжелому труду, а за нарушения режима подвергались аресту и переводу в штрафные подразделения. В лучших условиях находились генералы и старшие офицеры противника, которые размещались в благоустроенных помещениях, были освобождены от тяжелого физического труда и получали усиленное питание.

Наиболее сложной проблемой лагерного быта была организация снабжения. Нормы питания узников лагерей УПВ – ГУПВИ неоднократно менялись как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Объем продуктов, выделяемых на питание военнопленных и интернированных, был напрямую связан с общим социально-экономическим положением в стране.

Руководство НКВД – МВД, рассматривавшее работу с военнопленными и интернированными как важную политическую задачу, большое внимание уделяло вопросам сохранения и восстановления их физического состояния. ГУПВИ тесно взаимодействовало с Наркоматом обороны и Наркоматом здравоохранения, в структуре которых были созданы специальные госпитали для военнопленных и интернированных. Это имело как положительные (опытные и квалифицированные медицинские кадры, наличие лечебно-диагностического оборудования, организованная система снабжения и т. п.), так и отрицательные стороны (организационные сложности, связанные с межведомственным характером подчинения спецгоспиталей).

Серьезную угрозу для жизни и здоровья военнопленных и интернированных представляли условия лагерной жизни – скученность и антисанитария в бараках, что создавало благоприятную почву для распространения инфекционных заболеваний. Если после войны удалось локализовать и ликвидировать очаги тифа, дизентерии и малярии, то такая болезнь, как туберкулез, оставалась бичом лагерной жизни вплоть до окончания пребывания военнопленных и интернированных в СССР.

Производственно-экономическая деятельность являлась одной из базовых функций советской системы плена и интернирования. В процессе трудового использования выделяются четыре периода: 1939–1941 гг. – ограниченный характер трудового использования узников войны, отработка механизма привлечения к труду; 1942–1945 гг. – расширение масштабов использования труда обезоруженных солдат противника, закрепление их в качестве рабочей силы за ведущими наркоматами СССР; 1946–1949 гг. – массовое использование труда военнопленных и интернированных, интеграция ГУПВИ в народнохозяйственный комплекс; 1950–1956 гг. – использование труда осужденных иностранцев, расформирование производственного сектора ГУПВИ.

Труд военнопленных и интернированных, как и заключенных ГУЛАГа, был востребован на строительстве промышленных и транспортных объектов, а также на восстановлении разрушенной в годы войны инфраструктуры. В отличие от заключенных ГУЛАГа подавляющее большинство военнопленных не трудилось на объектах НКВД – МВД, а предоставлялось в качестве рабочей силы другим ведомствам на договорных началах.

Несмотря на гигантский масштаб работ, осуществляемый ГУПВИ, труд военнопленных и интернированных был малопродуктивным, как и любой принудительный труд. Большинство лагерей не окупали себя, поэтому государство было вынуждено расходовать на их содержание значительные бюджетные средства. В целях материального стимулирования часть заработанных узниками войны средств переводилась на их личные счета и расходовалась на приобретение дополнительного питания и предметов гигиены в лагерных ларьках.